

ЖЕНСКИЙ ОБРАЗ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЕЧНОГО И ЗЕМНОГО В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ В.С. СОЛОВЬЕВА

Галина Гараева

Рассматривается тема Софии в аспекте мистического опыта и жизненного пути В.С. Соловьева с целью раскрытия актуальной проблемы – феномена женственности в ее разносторонности. Описываются видения Прекрасной Женщины, повлиявшие на эволюцию религиозно-философских взглядов Соловьева. Анализируется синтез мистического, рационального, поэтического отношений Соловьева к его видениям, обусловленный гностической идеей Софии Премудрости Божией. Показано, что Соловьев творчески воспринял эту идею, соединив ее с собственными мистическими переживаниями и философским обоснованием всеединства. Тема женского начала рассматривалась Соловьевым в широком диапазоне, вместившем как масштаб мироздания, так и земную жизнь. Это потребовало использования исторического, сравнительного, диалектического, метафизического и аналитического методов исследования. Представлен взгляд Соловьева на сложную и противоречивую женскую земную природу. Показан также жизненный путь Соловьева и особая роль женщин с именем София, которые были для него дороги и любимы. Истории любви Соловьева к музе всей своей жизни Софье Хитрово, а также к Софье Мартыновой продолжают тему женского начала и поэтического воплощения чувств и представлений Соловьева об особенностях женской души. Делается вывод о том, что Соловьев попытался целостно воспринять проблему женственности – от Божественного ее проявления до земного. Это свидетельствует о серьезном вкладе Соловьева в изучение тайны женского начала на разных уровнях мироздания через призму мистического, рационального и поэтического взглядов.

Ключевые слова: русская философия, женский образ, софиология, София небесная, любовная лирика, смысл любви.

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, Краснодар

The theme of Sophia in the aspect of mystical experience and life path of V.S. Solovyov is considered in order to reveal the actual problem – the phenomenon of femininity in its versatility. The visions of the Beautiful Woman, which influenced the evolution of Solovyov's religious and philosophical views, are described. The author provides an analysis of the synthesis of Solovyov's mystical, rational, and poetic attitudes to his visions, which was conditioned by the Gnostic idea of Sofia the Wisdom of God. It is shown in the article that Solovyov creatively perceived and developed this idea combining it with his own mystical experiences as well as with the philosophical justification of all-unity. It is mentioned that the theme of womanhood was considered by Solovyov in a wide range which included both the scale of the universe and the earthly life. This required the use of historical, comparative, dialectical, metaphysical, and analytical methods of research. Solovyov's view of the complex and contradictory feminine earthly nature is presented. The author considers Solovyov's life and claims that women with the name Sophia played a special role in it, as they were dear and beloved to him. The stories of Solovyov's love for the muse of his life, Sofia Khitrovo, as well as for Sofia Martynova continue the theme of femininity and poetic embodiment of Solovyov's feelings and notions of the peculiarities of the female soul. The conclusion is made that Solovyov tried to perceive the problem of femininity in a holistic way – from its divine manifestation to the earthly. This indicates a serious contribution of Solovyov to the study of the mystery of the feminine at different levels of the universe through the prism of mystical, rational, and poetic views.

Keywords: Russian philosophy, the female image, Sophiology, Sophia in Heaven, love lyrics, the meaning of love.

Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) – выдающийся русский религиозный философ, поэт, публицист, создавший стройную религиозно-философскую систему, в основу которой были положены принципы всеединства, софийности мира, цельного знания, нравственного оправдания добра. Его философская рефлексия удивительным образом сочетала в себе рациональное и мистическое основания, которые были неразрывно связаны с важнейшей для него темой, имя которой – София [1; 6; 7]. Философские работы Соловьева были посвящены мистической Софии, а привязанность и любовная лирика относились к земным женщинам с этим именем, которые встречались на его жизненном пути.

Принимая во внимание, что София небесная отождествлялась Соловьевым с Вечной Женственностью, а его современницы Софья Андреевна Толстая, Софья Хитрово и Софья Мартынова были незаурядными женщинами своего исторического времени, то, по сути, философ показал в своем философском и лирическом творчестве диапазон свойств, относящихся к женственности как явлению мироздания. Однако следует отметить, что Соловьев пришел к пониманию значимости женского начала в мире, отталкиваясь не от земного опыта, а от мистического, пережив который, он стал особо ценить отношения, складывавшиеся у него с женщинами, носившими имя София.

Свой первый мистический опыт, переживание которого в дальнейшем оказало огромное влияние на его философское творчество, Соловьев получил уже в детстве. В 1862 г., в возрасте 9 лет, находясь на богослужении в храме и будучи весьма расстроенным вследствие неразделенной первой любви, мальчик решил, что ему явилась Божественная неземная женщина. Внезапно вокруг ребенка как бы исчезли все, кто был в храме, и только Прекрасная Женщина, пронизанная золотистой лазурью, держала в руке «цветок нездешних стран». Улыбнувшись лучистой улыбкой и кивнув ребенку, она исчезла, оставив в душе будущего мыслителя неизгладимый след на всю жизнь. Спустя годы это чудесное событие Соловьев отразил в автобиографической поэме «Три свидания».

Сильное душевное потрясение, полученное в детстве от встречи с неземным прекрасным женским образом, заставляло Соловьева в течение всей его жизни искать объяснение этому видению. В.В. Кравченко совершенно верно отмечает: «Если вникнуть в самую суть взаимоотношений Соловьева и Софии, становится совершенно очевидно, что речь идет об особом мифе (в том философском его понимании, которое подразумевает вполне специфический вид мировоззрения и мирозерцания). Это – личный миф Соловьева, и он – не поэтическая выдумка и не надуманная жизненная ситуация» [2, с. 7]. Не случайно Соловьев стал глубоко изучать мистическое наследие, получив такую возможность во время своей зарубежной стажировки в Лондоне, знакомясь с источниками в Британском музее. В это время он много внимания уделял изучению памятников индийской, гностической, средневековой философии, а также интересовался Каббалой, текстами Беме, Сведенборга, Шеллинга и др. Он изучал все, что касается Софии как одного из загадочных древних символов, тревожащего умы философов и мистиков. Но представления о ней были неодинаковы в разные эпохи и у разных людей. К тому же, фило-

соффы, богословы и мистики выделяли разные ракурсы в изучении Софии, постановке целей познания, выборе методов и интерпретации результатов. В итоге можно говорить о трех важных источниках, информирующих о Софии – философском, церковно-богословском и религиозно-мистическом, что позволяет выделять в характеристике Софии многоаспектные представления о ней и как о мифологическом персонаже, и как об идеальном плане мироздания, образе Вечной Женственности, Матери мира, Премудрости Божией, Душе мира, посреднице между тварным и нетварным мирами и т.д. Иными словами, учение о Софии не представляло стройной и непротиворечивой системы взглядов, а потому оставляло возможность каждому новому исследователю сказать свое слово и отразить свой опыт постижения софийности мира. Большое значение при этом имел субъективно-мистический опыт исследователя.

Обращаясь к поиску Соловьевым объяснения его видению, следует отметить, что ближе всего ему была гностическая идея Софии Премудрости Божией. Он творчески воспринял эту идею и соединил ее с собственными мистическими переживаниями, которыеполнились во время его зарубежных поездок в Лондон и Египет.

В 1875 г. в период работы в Британском музее на фоне глубокого погружения в мистическое мировое наследие произошла вторая встреча Соловьева с Софией, которую он также описывает в поэме «Три свидания», раскрывая поэтическими средствами томление своей души, жажду знаний о трансцендентном и непреодолимое желание увидеть ее снова.

Соловьев отмечает, что накануне второй встречи ему часто попадались тексты, посвященные Софии, и он никак не мог отвлечься от этой темы. Долгожданное свидание произошло в Британском музее, когда русский мыслитель вновь увидел лицо Прекрасной Женщины в золотой лазури, то самое, которое помнил с детских лет. Одержимый желанием увидеть весь облик, Соловьев мысленно просит ее об этом и получает посредством внутреннего голоса ответ с призывом отправиться в пустыню Египта, где ему обещана желанная встреча.

Преодолев немало курьезных, а также драматических моментов, небезопасных для жизни, возвращаясь по пустыне в Каир, Соловьев в третий раз встретился с прекрасным видением. Эта встреча была особенной – и в силу того, что видение неземной Прекрасной Женщины было всецелым, и потому, что явилась она уже взрослому человеку, дух которого взывал к этому свиданию. Соловьев вспоминал, что, пробудившись ото сна, один в пустыне, он увидел вновь образ неземной Женщины необычайной красоты на чудесном фоне, который он передает в своей поэме, используя такие выражения, как «дышали розами земля и неба круг», «первое сиянье Всемирного и творческого дня», «пурпур небесного блистанья» и т.д. Масштабность явленного в пустыне образа женской красоты Соловьев передает, указывая, что он объемлет одновременно прошлое, настоящее и будущее, вмещает всю красоту и величие мира. Это встреча вызвала в его душе не страх, а молитвы и благовестный звон.

Несмотря на всю серьезность переживания Соловьевым своего мистического опыта, поэма «Три свидания» была написана в несколько ироничной манере, как «защитная» реакция от скептиков, не способных

принять реальность чуда. Однако Соловьев запечатлел свои мистические встречи с Вечной Женственностью, Софией, Мировой душой не только поэтически, но и в его философской концепции. Ведь образ Софии – это не только объект субъективно-мистического переживания, его можно осмысливать рационально-логически, о чем свидетельствует интеллектуальное наследие человечества.

Философское творчество Соловьева пришлось на период кризиса европейской философской мысли второй половины XIX в., что выразилось в торжестве отвлеченного взгляда на мир, что не отвечало идеалу цельного и всестороннего знания. Стремление мыслителя обосновать в своей философской системе необходимость такого знания, вбирающего всю полноту рациональных и иррациональных постижений мира, было вызвано, безусловно, и его мистическими переживаниями встречи с неземным женским образом.

Софийный подход к объяснению картины мира также неразрывно связан с принципом всеединства, который стал «визитной карточкой» философии Соловьева и с которым он связывал глубинную характеристику мироздания, а также новые пути развития философской мысли.

В качестве организующей силы, обеспечивающей единство всего сущего, Соловьев называет Софию, объединяющая сила которой обусловлена ее соединением с Божественным началом. София объемлет и обеспечивает единство как тварного, так и нетварного мира и, соответственно, заключает в себе глубокие смыслы и многоаспектность. Архетип женского образа Премудрости, Мировая душа, конкретное содержание идеи всеединства мира, посредствующее начало между Богом и миром – София характеризуется Соловьевым как замысел Бога о мире и одновременно как Вечная Женственность в Боге [5]. Не случайно В.Ф. Эрн, обращаясь к особенностям софиологии Соловьева, подчеркивал: «Первый после Платона Соловьев делает новое громадное открытие в метафизике. В море умопостигаемого света, который безобразно открылся Платону, Соловьев с величайшею силою прозрения открывает определенные ослепительные черты Вечной Женственности» [10, с. 121–122].

На фоне неизменного благоговения перед являвшимся ему прекрасным обликом Софии в земной женщине Соловьев, тем не менее, выделял присущее ей несовершенство, материальную природу, бессознательное стремление как к добру, так и к злу. В то же время, он придавал большое значение состоянию женской души, полагая, что именно ей дано через душевное беспокойство почувствовать необходимость назревших перемен. Этой теме Соловьев посвящает очерк «Женский вопрос» в цикле «Воскресные письма» [8]. В своих воскресных письмах, опубликованных в газете «Русь» в 1897–1898 гг., он поднимает очень важные для наступающего XX в. вопросы, в числе которых и женский вопрос, проявляющий себя на разных уровнях проблемности – от метафизического до личного. Суждения Соловьева о женской природе особенно ценны в силу диалектического подхода к многоаспектности проявления женского начала в мироздании. Несмотря на то, что путеводный образ небесной Софии владел душой философа на протяжении всей его земной жизни, он имел сердечные привязанности, влюбленности и любовь к земным женщинам.

Творческое наследие Соловьева содержит его размышления о земной женской природе как на уровне социальной, общезначимой постановки вопроса, так и запечатлено в поэтической форме как отражение личных переживаний во взаимоотношениях с конкретными женщинами.

Характеризуя в целом особенности женской природы, Соловьев отмечает, что женщина не случайно соединяет в себе несоединимое – консерватизм и тонкое чувство необходимости перемен, которых требует новое историческое время, так как именно у женщины особое предназначение – вынашивать новую жизнь. Однако на жизненном пути женщина встречает немало преград в виде ложных идей, «бесов», приводящих к обману и мучениям, не дающим истинного удовлетворения душе, тем более женской. К числу известных факторов, отдаляющих женщину от истинного понимания своих потребностей, Соловьев относит так называемых бесов «свободной любви», политической агитации, обожествленного естествознания, внешнего «опрощения», обязательного безбрачия, «экономического материализма», эстетического декадентства. Разрешение проблемы понимания женской души, тонко чувствующей необходимость нового в организации жизни, возможно, по его мнению, только на основе вечной истины христианства. В свете такого подхода женский вопрос рассматривается философом как движение по избавлению от бесовских наваждений современной жизни и приготовление новых жен-мироносиц для воскресения всего христианства. Иными словами, подлинное решение женского вопроса заключено в обращении женщин к вечной и неизменной истине христианства, обретение которой осложняется различными ложными представлениями, уводящими в мир иллюзий и душевных мучений. Таким образом, мы видим, что осмысление Соловьевым женского начала было представлено в его творчестве в достаточно широком объеме – от Вечной Женственности неземного образа до мятущейся души земной женщины, полной противоречий, заблуждений и в то же время духовно-нравственной силы.

Большое влияние на формирование взглядов Соловьева на сущность женщины оказала и личная жизнь философа, вместившая диапазон от мимолетной увлеченности, поверхностной влюбленности до глубокого драматичного чувства любви к Софье Хитрово. Вообще надо отметить, что жизнь Соловьева не только заполнял образ небесной Софии, но по удивительному стечению обстоятельств значительную роль в ней сыграли земные женщины с таким же именем. С.М. Соловьев, племянник и исследователь жизни и творчества философа отмечал, что он не рассматривал женщину как высшее духовно-нравственное существо, не соотносил с символом вечной Софии, а воспринимал как существо низшее, материальное, двойственное, бессознательное, любить которое можно только нисходящей любовью [9, с. 161].

Однако, на наш взгляд, суждения Соловьева о женщинах не столь однозначны, а более диалектичны и отражают противоречивость женской природы. В этой связи П.П. Гайденок совершенно верно отмечает крайне двойственное отношение Соловьева к женственному началу, так как «с одной стороны, он способен видеть в смертной, земной женщине воплощение вечной божественной Софии, тем самым возводя ее на недо-

сягаемую высоту, на которой не может удержаться существо конечное и тварное; отсюда и все те мучительные любовные коллизии, которые всю жизнь сопровождали Вл. Соловьева. Но, с другой стороны, женщина отождествляется им с Софией падшей, т.е. существом бессознательным, которое не способно своими силами преодолеть злого начала в себе, поскольку стоит как бы по ту сторону добра и зла» [3, с. 398]. Этот процесс перехода от высшего уровня к низшему в женщине и внешнее его проявление Соловьев шутливо-иронично выразил в стихотворной форме, показав превращение Мадонны в Матрену.

Внешняя, фактическая сторона взаимоотношений Соловьева с женщинами по имени Софья не была гармоничной, но характеризовалась его стремлением обрести счастье в семейной жизни, хотя это и не увенчалось успехом. Так, в 1877 г. Дмитрий Николаевич Цертелев познакомил молодого философа со своей родственницей Софьей Андреевной Толстой, вдовой русского писателя, поэта, драматурга, переводчика Алексея Константиновича Толстого (1817–1875), который приходился троюродным братом всемирно известному русскому писателю Льву Николаевичу Толстому. К этому времени Соловьев уже пережил мистические встречи с небесной Софией в Лондоне и пустыне под Каиром, активно разрабатывал тему Вечной Женственности и подготовил черновую рукопись трактата «Sophie». В доме Софьи Андреевны Толстой, в имении Пустынька под Петербургом, Соловьев встретил музу всей своей жизни – приемную дочь А.К. Толстого Софью Хитрово. Удивительно радужная атмосфера дома в Пустыньке, присутствие в нем двух Софий, женщин весьма образованных, высокоинтеллектуальных и неординарных, произвели на Соловьева большое впечатление, и он стал частым гостем в их доме.

История любви Соловьева к Софье Хитрово была сложной и противоречивой, ведь она была замужем. Ее мужем был Михаил Александрович Хитрово (1837–1896) – дипломат, поэт, переводчик, правнук полководца М.И. Кутузова. В браке с этим человеком Софья Хитрово родила четверых детей. Однако из-за вынужденных и длительных разъездов, связанных со службой мужа, семья не проживала вместе. Софья Хитрово вместе с детьми обосновалась в Пустыньке, в доме своей матери Софьи Андреевны Толстой. Несмотря на столь непростые обстоятельства, Соловьев неоднократно делал Софье Хитрово предложение стать его женой, а весной 1883 г. даже объявил ее своей невестой, что, однако, не было ею поддержано. Следствием такой отрицательной реакции со стороны Софьи Хитрово стала болезнь, после которой философ с трудом выздоровел. Его страдания, размышления по поводу разбившихся планов на совместную жизнь нашли отражение в стихотворении «Безрадостной любви развязка роковая» (1887), которое, по существу, подвело итог длительным, но изматывающим отношениям Соловьева и Софьи Хитрово. Однако разрыв этих отношений, как показали дальнейшие события, вовсе не означал безразличия к Софье Хитрово со стороны Соловьева. Даже будучи увлечен в 1892 г. Софьей Мартыновой, он посвящает своей бывшей возлюбленной стихотворение «Мчи меня, память», в котором видны неугасшие чувства, а в 1897 г. после смерти мужа Софьи Хитрово он снова обратился к ней с предложением руки и сердца, которое она опять не приняла.

Последней любовью Соловьева стала Софья Мартынова. Его разбитое сердце вновь полюбило замужнюю женщину с роковым именем Софья. При этом философ, безусловно, усматривал нездешний таинственный смысл в тех чувствах, которые вызывала у него Софья Мартынова. Стихотворения, посвященные этой женщине, показывают первоначально глубокую идеализацию Соловьевым своей любимой. Однако в реальной жизни она оказалась другой, и иллюзия исчезла. Свой болезненный опыт возвеличивания любимой женщины и затем разочарования в ней Соловьев отразил сменой образов, с которыми он ассоциировал Софью Мартынову: из Мадонны она становится для него Матреной. Так символично обозначил поэт раздвоенность образа женщины, в которую он влюбился и в которой разочаровался. Весьма вероятно, что именно под впечатлением страстных чувств к Софье Мартыновой и последовавшего затем охлаждения был написан цикл из пяти статей под общим названием «Смысл любви» (1892–1894 гг.).

Лейтмотивом рассуждений Соловьева о любви стала мысль о том, что ее смысл заключается в преодолении эгоизма через принятие другого человека, конкретного и реального, а не вымышленного образа, что становится возможным через половую любовь и никакую другую (материнское чувство, дружба, патриотизм и т.д.). Но половая любовь, согласно взглядам Соловьева, не сводится к чувственным удовольствиям и деторождению, а является выражением духовного принятия человеком другого человека и признания его равноценности.

Смысл любви, по Соловьеву, заключается в преодолении разделенности людей, что является следствием их эгоизма. Становление истинного человека возможно как свободное единство мужского и женского начала, преодолевающих свою обособленность через любовь. Принятие другого человека как такого же безусловного и равноценного возможно только в любви и через глубокое мистическое прозрение. Предпосылкой этого выступает идеализация объекта любви, что позволяет видеть любящему человеку то, чего не видят другие. По существу, любовь позволяет открыть образ Божий в другом человеке и его подлинную сущность. Что касается Соловьева, то он, испытавший горечь неразделенных чувств, разочарований в любовных отношениях, удивительным образом сочетал в себе, с одной стороны, поэтически-романтическое восприятие любви, а с другой, рационально-аналитический взгляд на нее, соединив чувства и разум для постижения этой глубины.

Диалектика чувственного, рационального и мистического пронизывала и женский образ в творчестве Соловьева, отражая сложную структуру мироздания и широкий диапазон от Вечной Женственности, прекрасного неземного образа Софии, до земных женщин, прекрасных, но заключающих в себе все противоречия и непостоянство земного бытия. Характеристики женского начала на разных уровнях мироздания только усиливались от такого сравнения. В то же время, если земная женщина неизменно сохраняла свою несовершенную земную природу, то, как верно отмечает Н.П. Крохина, «в Софии – воплощении высшей мудрости, живой мысли, преодолевающей пространство и время, сочетающей безмерное с конкрет-

ным, важен принцип текучести, неопределенности, перетекания природно-космического образа в женственно-человеческий» [4, с. 243].

Жизненный путь Соловьева был наполнен глубокими чувствами и судьбоносными встречами с женщинами, которые оказали сильное воздействие на его философское и поэтическое мировосприятие, хотя и не сделали по-настоящему счастливым. Однако это не помешало ему стать «рыцарем» Софии, апологетом Вечной Женственности, предложить человечеству свое толкование смысла любви и свое постижение тайны женского начала на разных уровнях мироздания.

Литература

Исследования

1. Козырев А.П. Соловьев В.С. София. Начала вселенского учения // Логос. 1992. № 2. С. 171–198.
2. Кравченко В.В. Владимир Соловьев и София. М.: Аграф, 2006.
3. Гайденок П.П. Вл. Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
4. Крохина Н.П. Гностическая София в поэзии Вл. Соловьева и Ал. Блока // Соловьевские исследования. 2002. Вып. 5. С. 235–258.
5. Орлова Н.Х. Пересечение видений Анны Шмидт и Владимира Соловьева: софийная одаренность или «ерундословие старухи» // Визуальная теология. 2020. № 1. С. 125–137.
6. Пигалев А.И. Премудрость Божия как вечная женственность: Данте и Вл. С. Соловьев о софийном единстве // Соловьевские исследования. 2021. № 4(72). С. 54–69.
7. Хамидулин А.М. Идеальные истоки софиологии Вл. С. Соловьева // Соловьевские исследования. 2015. № 3 (47). С. 21–38.
8. Элен П. Божественная София в философско-богословском произведении В.С. Соловьева “La russie et l’église universelle” // Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2(6). С. 141–166.

Источники

9. Соловьев В.С. Воскресные письма. XIII. Женский вопрос // Соловьев В.С. Собр. соч. В 10 т. Т. 10. СПб., 1911–1913.
10. Соловьев С.М. Идея церкви в поэзии Вл. Соловьева // Соловьев С. Богословские и критические очерки. М., 1916.
11. Эрн Вл. Гносеология В.С. Соловьева // О Владимире Соловьеве. Томск: Водолей, 1997.

Garaeva, Galina F. *The female image through the prism of the eternal and the earthly in the life and work of V.S. Solovyov*

References

1. Kozыrev, A.P. (1992), Solovov V.S. Sofiya. Nachala vselenskogo ucheniya [Solovov V.S. Sofia. The beginnings of the universal doctrine], in: *Logos*, no. 2, pp. 171–198.

2. Kravchenko, V.V. (2006), *Vladimir Solovyov i Sofiya* [Vladimir Solovyov and Sofia], Agraf, Moscow.
3. Gaidenko, P.P. (2001), *Vl. Solovyov i filosofiya Serebryanogo veka* [Solovyov and the philosophy of the Silver Age], Progress-Traditsiya, Moscow.
4. Krokhtina, N.P. (2002), Gnosticheskaya Sofiya v poezii Vl. Solovyova i Al. Bloka [Gnostic Sophia in the poetry of Vl. Solovyov and Al. Blok], in: *Solovyovskiye issledovaniya* [Solovyov Studies], no. 5, pp. 235–258.
5. Pigalev, A.I. (2021), Premudrost Bozhiya kak vechnaya zhenstvennost: Dante i Vl. S. Solovyov o sofynom yedinstve [The wisdom of God as eternal femininity: Dante and Vl. S. Solovyov on Sophian unity], in: *Solovyovskie issledovaniya* [Solovyov Studies], no. 4 (72), pp. 54–69.
6. Khamidulin, A.M. (2015), Ideynye istoki sofologii Vl. S. Solovyova [Ideological origins of V.S. Solovyov's Sofiology], in: *Solovyovskie issledovaniya* [Solovyov Studies], no 3 (47), pp. 21–38.
7. Ehlen, P. (2019), Bozhestvennaya Sofiya v filosofsko-bogoslovskom proizvedenii V.S. Solovyova «La Russie et l'Église Universelle» [Divine Sophia in the philosophical and theological work by V.S. Solovyov “La Russie et l'Église Universelle”], in: *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii* [Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy], no. 2(6), pp. 141–166.